

Гера Фотич

Собачья сага

роман

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ
ФРАГМЕНТ

Скифия
Санкт-Петербург
2012

УДК 82-31

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

Гера Фотич Собачья сага

роман

Фотич Г.

Ф74 Собачья сага. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2012. — 336 с.

Стоит ли стремиться к счастью, если за него приходится платить втрое? Не лучше ли пройти мимо, осторожно на цыпочках, дабы ненароком оно тебя не увидело и не вцепилось, подарив очередной душевный восторг, любовь или чью-то привязанность?

УДК 82.31

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

ISBN 978-5-903463-68-8

© Гера Фотич, 2011

© ИТД «Скифия», 2012

Все события и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны.

Все отзывы можно оставить на сайте автора:

www.GeraFotich.ru

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Автор книги искренне благодарит спонсоров, оказавших материальную помощь в издании данной книги.

Кузьмина Андрея Михайловича
Компания «**ТРИЭР**»

Гвиниашвили Давида Георгиевича
Охранное предприятие «**КВАЗАР**»

Ястребова Андрея Юрьевича
Охранное предприятие «**МАЯК**»

Кондратьева Андрея Германовича
Компания «**ТЕКТУС**»

Фатеичева Виталия Игоревича
Холдинг-Группа «**РБЭИ**»

Знаешева Игоря Владимировича
Издательство «**СКИФИЯ**»

Реклама указанных компаний
расположена в конце книги.

*С уважением,
Гера Фотич*

Моим друзьям посвящаю...

ГЛАВА 1.

Почти эпилог

У Павла уже не было сил прижимать собаку к себе. Руки совсем онемели, стали ватными, но скрюченные окоченевшие пальцы еще, вяло разгибаясь, пытались уловить тепло подшерстка, проникая в его глубину, ощущая кожей струящийся между них упругий ворс, словно тоненькие колоски бесконечно большого пшеничного поля.

Мохнатое рыжее тело его любимца лежало спокойно. Пес не пытался встать, не мотал мордой, не фырчал, как обычно, разбрызгивая белые, словно взбитая сметана, слюни. Не взбрыкивал лапами, как раньше, отбрасывая в стороны пожухлую коричневую с медным отливом листву.

Он уже не убегал, скуля, ощутив неприятный запах смеси пороха и оружейного масла, который сопутствовал страшному грохоту, наводящему на него безумный страх всю жизнь — с того самого момента, когда Павел с однополчанами неумело решили приучить его не бояться выстрелов, и в годовалом возрасте просто привязали к крыльцу, открыв пальбу по мишеням. В тот день от страха пес оборвал поводок и забился в самый дальний угол чердака. С наступившей тишиной он не смог вернуться к хозяину, пересилить дрожь, разбивающую весь

его организм на неуправляемые кусочки когда-то единого мощного тела, и, обрушив на себя кучу висевших в кладовке старых вещей, только жалобно скулил, прося прощения.

Тренировка была повторена. Но и в следующий раз собачья любовь и преданность, питаемые к хозяину, не смогли преодолеть возникающий страх — пес неся, сломя голову, ища спасения в ближайшем укрытии. Так происходило каждый раз, как только начинал накатывать пугающий грохот.

На карьере охотничьей собаки с разочарованием был поставлен крест. Никто не мог предположить, что представителю породы, выведенной римлянами для охоты на львов, свойственно бояться обычного оружейного выстрела.

Почти четыре года прошло с тех пор, как хозяин перестал пугать его этим грохотом. А полгода назад не стало старшего четвероногого друга и, казалось, что нежность и забота, ранее делимая хозяином на двоих, вся досталась большому, немного неуклюжему и доверчивому бордосу с ласковым прозвищем Веня. В последнее время эта любовь стала особенно заметна. Павел все чаще гладил его, заглядывая в глаза, увозил на своей машине к незнакомым людям, но таким же внимательным и ласковым, как он, после общения с которыми становилось легче. Душа начинала парить, а тело приобретало былую мощь. Можно было мчаться, и, внезапно оттолкнувшись от земли, лизнуть хозяина прямо в лицо.

Но через некоторое время тело снова наливалось свинцом, появившаяся радость надежды угасала, сознание опутывали сон и безразличие. Открывая глаза, пес частенько не мог понять, как

оказался в том или ином месте. Не помнил, куда спешил и чего хотел. Морда саднила от неизвестно как приобретенных ушибов и царапин.

И вот сегодня гром снова выплеснулся из рук хозяина. Внезапно. Когда они, как обычно, вечером пошли на прогулку. Пес почувствовал тот знакомый запах сразу, но не придал ему значения, поскольку одежда хозяина частенько так пахла. Он напряг мышцы чтобы, как обычно, стремглав рвануть в безопасное место, но на этот раз почувствовал резкую боль и расслабился. Хозяин оставался рядом, а значит, все должно было быть хорошо. Казалось, весь страх ушел в землю через подкосившиеся лапы, и пес впервые осознал позор своего прошлого бегства, который, как оказалось, можно пересилить.

С чувством исполненного долга он глядел в лицо Павла, ища в нем одобрения, ожидая похвалы и ласки. Но видел в нем смесь растерянности, огорчения и того страха, от которого только что избавился сам. Он мог до бесконечности долго стоять так около своего хозяина, но непонятная усталость проникла внутрь, заволокла разум дремотой, сделала веки невероятно тяжелыми, и он решил прилечь.

Теперь они с хозяином тихо лежали на правом боку, изредка глубоко вдыхая промозглую земляную сырость, покорно остывающую с приходом темноты, несущей осенние заморозки. Павел прижимался животом к выпирающему позвоночнику собачьей спины, обнимая замерзшими руками одутловатое мохнатое тело. Положив голову псу на шею, он прижимался к приглаженной рыжей шерсти своей давно не бритой щекой. Казалось,

что голова лежит на мягкой волосяной пружинящей подушке, через которую человеческое ухо слышало затихающий стук собачьего сердца. Лежа именно так, он ощущал, как нервно вздрагивает собачья кожа и равномерно пульсирует под ней венка.

Но сейчас это не радовало Павла. Он невольно причинил собаке мучения и чувствовал свою вину. Вспомнил, как пес пристально смотрел на него, перед тем, как лечь, и этот взгляд нежданном страхом сковал Павла. Тогда ему показалось, что вот сейчас собака зарычит и впервые бросится на него не дружески, а, навалившись своим огромным весом, вцепится в горло и вырвет аорту. Но взгляд Вени постепенно мутнел, и любимый пес преданно лег у ног своего хозяина.

Молния на куртке Павла давно сломалась, а регулярно пришиваемые пуговицы куда-то подевались. И теперь распахнутая куртка укрывала их обоих от слабых порывов ветра и периодически накрапывающего морозящего крупяного дождика. Казалось, что он идет ниоткуда. Концентрируясь в сумраке вечерней прохлады, внезапно выпадает, оmyвая лицо, а затем исчезает, и через минуту возвращается снова с очередной порцией влаги.

Изредка, заплутав где-то в вышине, скрученный в трубочку листок с шелестом пикировал из темноты кроны вниз, задевая по пути торчащие ветки, и чиркал о выцветшую болоньевую материю куртки, словно хотел выбить из нее искорку, но бесполезно соскальзывал на землю, сливаясь с дрожащим от низового ветерка лиственным ковром.

Раньше они часто так лежали вдвоем на стареньком разложенном диване, слушая, как завыва-

ет в трубе попавший в западню ветер. Чувствовали, как от его негодования дрожат дощатые стены в их слегка покосившемся на треснутом фундаменте доме, приютившемся на краю деревни.

Огромный рыжий бордоский дог и его старый хозяин всегда засыпали вместе в жарко натопленной избушке. Иногда псу снились сны, от которых он вздрагивал или начинал подвывать. Но Павел клал ему на морду свою руку и пес, чувствуя родной запах, успокаивался. А когда начинали мучить кошмары самого хозяина, пес лизал ему лицо, и затем они вместе снова окунались каждый в свои сновидения. Зимой иностранная металлическая печка быстро остывала, заставляя их обниматься плотнее, глубже закутываться в одеяло.

Вот и сейчас Павел положил свою ладонь на слюнявую морду Вени. Провел рукой по выпуклому лбу, ощутив открытую рану с острыми неровными краями, царапающими высохшую кожу пальцев. Это трещина от удара первой пули. Из нее медленно сочилась кровь прямо между собачьих бровей. Павел почувствовал, как она горяча. Даже падающая с неба холодная влага не в силах была растворить идущее изнутри тепло. Преодолевая продолжающееся онемение, он погладил мускулистую, еще молодую шею собаки, скользнул рукой по груди, и, ощутив непомерно большой живот, вспомнил толстого ветеринара за письменным столом, кричавшего, что не хочет садиться в тюрьму за наркотики.

Пес потянулся и, дернувшись всем телом вперед, мотнул головой, благодарно лизнув Павла в лицо. Раньше бы Павел обязательно что-то ему

сказал. Но сейчас не мог. В горле стоял комок, а в груди жжение, как будто выпущенная из пистолета пуля, срикошетив, пробила его сердце навывлет, обнажив нутро. Во рту было сухо, словно они лежали не среди осин Ленинградской области, а в пустыне Гоби.

Они не пытались уснуть. Просто лежали так, словно притаившись, боясь кого-то спугнуть, как в засаде на врага. И сейчас вокруг них был только один враг — смерть. Скрытый и беспощадный, который ничем себя не выдавал. Этот падальщик уверенно ждал своего часа. Когда за давно ушедшими мечтами этих двух существ начнут растворяться воспоминания, а затем и окружающая реальность, не позволяющая доселе смерти вступить в свои права.

Смерть не в силах была разрушить то доброе и нежное, что продолжало соединять близкие души, и упорно ждала, когда они сами сделают это. Она всегда так поступает.

Еще летом все было хорошо. Они носились по полям и лесам, пугая живность и случайных заплутавших грибников. Веня с разбегу кидался на грудь хозяину, и они валились вместе, кубарем катясь в густые заросли. А потом наперегонки мчались к озеру. И каждый день открывал для них что-то новое, неизведанное, будто они продолжали взрослеть.

На память приходило то, о чем они не задумывались ранее, когда были счастливы. Не останавливаясь, проносились мимо чего-то существенного, касающегося их обоих. Беспечность не делала их слепыми, а, наоборот, словно соты, наполняла память новыми ощущениями, концентрируя происходящее в сладкий нектар, который запасают

на черный день. Как разбуженное далекое эхо они ощущали голос природы: тихий шелест листвы, шорох пробегающего по траве ветерка, наступающего запоздалую птицу, скребущуюся под кустиком мышь. Но теперь это сливалось в единый мотив и казалось прощальной колыбельной.

Грудная клетка собаки периодически резко вздымалась, а когда оседала, струйки крови, терявшиеся в рыжей шерсти, начинали бить темными фонтанчиками. Морщинистая шероховатая морда Вени сопела над ухом Павла, изредка брызгая слюнями от лопнувших под брылями пузырей.

Павел чувствовал собачий запах. Обыкновенный, который был у всех его четвероногих друзей. Маленьких и больших. Не только взрослых, но и щенков, с которыми пришлось расстаться. Тех, кого обожал всей душой, и тех, кого оплакивал, потеряв недолюбленными. Этот запах роднил всех животных, собирая в единое целое, разбитое годами в тянущуюся живую очередность. Сейчас Павел сумел снова почувствовать каждого из всей этой огромной собачьей стаи, которую время, словно опытный ямщик, запрягло цугом.

Ему всегда казалось, что намокшая собачья шерсть пахнет палой влажной листвой, обнаженной после сошедшего снега. И вот теперь, вдыхая этот запах, закрыв глаза, он чувствовал, что в большом мохнатом теле обнимает всех своих четвероногих, которых никогда не забудет. Тех, что вошли в его судьбу и оплели ее коротенькими, но яркими ленточками своего недолгого жизненного пути, наполнив неизгладимым чувством самопожертвования, бескорыстной любовью и преданностью, навсегда соединившись в его человеческой памяти.

Он жалел, что не выстрелил Вене под ухо, как учили на службе: упершись дулом в верхний хрящик челюсти, нажать на курок. Но Павел чувствовал в этом движении скрытую подлость, предательство по отношению к своему псу. словно он, потянувшись для ласки, обманет верного друга и нанесет удар исподтишка, когда пес не ждет, а потом получит смертельную рану от протянутой руки, пользующейся безмерным доверием. Павлу казалось, что собака должна видеть направленную на нее угрозу.

Но теперь разряженный наградной пистолет бесполезно лежал рядом в грязи. Выпущенные из него пули не смогли подарить быструю смерть, избавить животное от мучений.

«И зачем я выкопал эту чертову яму», — думал Павел, глядя на чернеющую недалеко гору свежерытой земли, заслоняемую серебристыми, словно заиндевевшими листьями лоха, — «Могила там, а мы умираем здесь».

Снизу ему казалось, что тянущиеся вверх, черные на фоне темно-серого неба стволы кустарника и ветвистых деревьев похожи на корни, растущие из земли. А буйная зеленая листва устремилась к солнечному свету и теплу где-то внизу, за гранью, на которой они сейчас лежали вдвоем. И та тишина, возникающая между редкими всполохами ветра, периодическое отсутствие каких-либо звуков или движений только подтверждали, что они с Веней находятся уже за чертой жизненного пространства, где уже невозможно о чем-то мечтать. Но воспоминания еще продолжали стучаться в сердце, не в силах нарушить границу реальности.

Немного приподняв голову, Павел мог в наступающем с озера вечернем тумане разглядеть очер-

тания своего дома, хранящего тепло и уют. Но что-то подсказывало ему, что он никогда уже не сможет туда вернуться. Быть может, если бы он бросил свою собаку и попытался ползти, нашлись бы силы добраться до забора соседки. А там закричать что есть мочи, чтобы пробить ее глухоту. Но что это даст? До города сто верст, а связи никакой. Что эта астматичка Глафира сможет сделать? Созвать сход? Да никто и на улицу-то не выйдет в такую темень, боясь буйных местных пьяниц и пришлых городских наркоманов.

Десять жилых домов с полуживыми больными стариками, оставшиеся от огромной деревни и совхоза-миллионера «Светлый путь», до которых никому давно нет дела. Чем смогут помочь эти люди, немощные физически и парализованные умственно, брошенные своими детьми, для которых они мостили дорогу в будущее и оставшиеся забытыми на ее обочине.

Сосед Кузьмич недавно из больницы. Как похоронил жену, так и слег. В доме старосты Степановны есть общественный телефон. Но звонить не дает. Говорит, все деньги израсходованы. Может, оно и так.

Кому они были теперь нужны, Павел и его пес? Кто в этом мире мог заметить их тела, прильнувшие друг к другу, словно два нерожденных эмбриона, выдавленных за ненадобностью из чрева Матери-Земли. Желающих плотнее прижаться друг к другу, чтобы сохранить тепло, оставленное им в наследство. Пытаясь в последний раз заботиться друг о друге, продлевая собственные мучения.

У каждого была своя биография...

ГЛАВА 2.

Эрик

Паша не помнил, что ему снилось той ночью. Возможно, это было, сражение. Та давняя битва, звучащая треском ружейных выстрелов, звоном сабель, грохотом пушек и ржанием лошадей — после того, как весь вечер он, цепляя войлочными шлепанцами невидимые занозы, ходил по детской от окна вглубь комнаты и обратно, повторяя вслух заданное на дом стихотворение и уже почти не различая его смысл:

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром...

Внезапно проникшее в сон непонимание, разметав сновидения, застыло немым вопросом, почему вдруг его лицо, лежащее на подушке, стало неприятно мокрым и холодным. Пронизывающий озноб, от которого прикрытое легким одеялом тело избавлялось под утро, свернувшись калачиком, появился вновь. Щурясь, он попытался приоткрыть глаза. Сквозь насилие разомкнутые ресницы по невесомой прозрачности воздуха, его неподвижности и легкой свежести дыхания он почувствовал, что так рано еще никогда не просыпался.

За окнами забрезжил весенний рассвет, который бывает только в марте. Рожденный им луч солнца стрельнул в окно противоположной пятиэтажки и, срикошетив, накрыл заспанное Пашкино лицо ярким пучком света.

Он хотел защититься от него ладонью, но неожиданно из этого ослепляющего облака появилась фырчащая морщинистая рыжая голова

инопланетянина-старикашки, с приподнятым надменным подбородком, обрамленным по сторонам свисающими лепестками ушей и двумя сопящими отверстиями в черном приплюснутом носу, откуда регулярно появлялись и, вылетая, лопались маленькие пузыри.

Эта физиономия оказалась в ореоле света, словно плененная вспышкой шаровой молнии. И теперь, выбираясь на свободу, хрюкала, сопела, стенала и вылизывала своим длинным шероховатым языком Пашино лицо, стараясь убедить в реальности своего существования. Постепенно вытягивая на поверхность ранее сокрытые в свете шею, грудь, лапы...

— Собака! — резко приподняв голову от подушки, закричал Паша. Так неожиданно и громко, что щенок, испугавшись, бросился наутек, цепляясь лапами за остатки лакового покрытия. Выбивая дробь цокающими ногтями, он поскользнулся на повороте в гостиную и поехал на боку по паркету прямо под письменный стол. Но Пашкины руки уже подхватили его и, подняв вверх, с восторгом понесли через комнаты в прихожую.

Там, еще не успев снять длинное серое пальто, прижимая голову матери к своей черной цыганской бороде и что-то нашептывая ей на ухо, стоял отец, вернувшийся из командировки.

— Папа, папа, чья это собака? — закричал Паша, путаясь в длинной пижаме.

Он с разбегу уткнулся губами в колючие жесткие завитки усов наклонившегося к нему отца. И, не дожидаясь ответа, поднял щенка вверх над головой, закружил по гостиной.

— Это моя собака! Это моя собака! — подпрыгивая то на одной, то на другой ноге, кричал Паша.

А откуда-то из глубины памяти звонким голосом выплеснулось наружу вчерашнее изнури-тельно длиннющее и не по годам заумное стихотворенье. Оно торжественно зазвучало по комнате, рассказанное без единой запинки, сопровождая своим победным ритмом счастливый танец долгожданной мечты.

Позже, рассказывая это стихотворение у школьной доски, Паша мысленно продолжал кружиться по комнате, держа над собой нежное тельце щенка с бледно-розовым пузом и маленьким пучком волосиков посередине. Все эмоции, клокотавшие в его душе, Паша вложил в читаемые наизусть строки, написанные талантливым поэтом. Не в силах осознать до конца их сути, он чувствовал нутром волнующее величие и торжество. В этот день он единственный получил по литературе пятерку с плюсом.

Собаку назвали Эриком. Это был двухмесячный щенок породы боксер. Они жили втроем с матерью, поскольку отец продолжал ездить в командировки строить пансионаты в области.

До конца учебного года оставалось полтора месяца. Ежедневно Паша вставал рано утром и шел гулять со щенком. Ему хотелось, чтобы все его друзья и товарищи видели Эрика. Но было слишком рано, и только редкие прохожие да такие же собачники провожали Пашу умиленным взглядом. Любознательный щенок тянул поводок то в одну, то в другую сторону, заставляя хозяина спотыкаться, скреб лапами землю, напрягая сухожилия под еще не огрубевшей кожей. Иногда он капризно ложился, прижимая свое тельце к земле, и крутил голо-

вой, пытаясь сбросить ошейник, желая самостоятельно познавать окружающую реальность.

Только резкий окрик Паши и рывок поводка могли заставить щенка слушаться. Обернувшись к хозяину, он разбежался и, подпрыгнув, лизал того в лицо, убеждая: « Мы с тобой теперь едины, я помню про тебя!» После чего снова натягивал поводок и, хрипя от перекрытого дыхания, устремлялся в мир неведомого.

После прогулки Паша шел домой, мыл щенку лапы и собирался в школу. Вот там, на переменке, он мог почувствовать нескрываемую зависть одноклассников и друзей.

Целую неделю собачья тема бродила в головах и звучала из уст школьников. Все забыли про Вовкин недавно купленный мопед, на котором тот любил катать девчонок и, чтобы не прослыть бабником, периодически с презрительным видом отказывал им, сажая на заднее сиденье парней. Но вскоре почему-то у него будто бы начинал барахлить двигатель, и каждый раз он катил свою технику к дому на ремонт. Откуда, через минуту после ухода друзей, выезжал с новой девочкой из параллельного класса. Наверное, он был рад собаке не меньше Паши, поскольку ребята оставили его в покое и переключились на Эрика.

Каждый вечер во дворе проходили дрессировки. Сначала из Эрика пытались воспитать пограничного пса по имени Джульбарс. Ему совали под нос конфетные обертки, а затем прятали их под камнями на детской площадке. Но псу больше нравилось бегать за детьми, чем за душистыми бумажками.

Потом решили воспитать у него бойцовские навыки Белого Клыка. Но пес не собирался драться и,

несмотря на явные провокации со стороны школьников и их устрашающие гримасы, пытался всех зализать до смерти.

Позже шли практические занятия по обучению навыкам Шарика из фильма «Четыре танкиста и собака». Но Эрик отказывался прыгать даже через ограждение песочницы, а, поставленный на лавку, дрожал как осиновый лист и нервно скулил.

— Только не надо пытаться сделать из него Муму, — сказал один из старшеклассников, видя воспитательные хлопоты малолеток.

Через месяц дрессировок на очередном родительском собрании выяснилось, что успеваемость класса катастрофически упала, После этого дети стали реже выходить на улицу, исправляя полученные ранее двойки.

Паше тоже досталось, но он не потерял интерес к воспитаннику. В свободное время брал в библиотеке книги о собаках и читал, получая все новые и новые знания. Павел готовился к лету, которое казалось ему долгожданным освободителем от весенних дождей и школьных обязанностей. И, хотя в школу он ходил с удовольствием, но, сидя за партой, не переставал думать о своем четвероногом товарище. Он ждал лета, когда щенок превратится в настоящего друга, способного защитить и помочь в беде.

Павел смутно представлял, чем они будут заниматься с Эриком на каникулах, но чувствовал, что эти дни будут полны веселья и радости. Ведь такого никогда не было! Никто из его друзей не имел собаки и не мог рассказать, как это замечательно. Такое отсутствие информации окутывало предстоящие каникулы небывалой таинственностью.

Сны, полные приключений, в которых он спас свою собаку или она его, не прекращались. В них они вместе ловили шпионов и приходили на помощь попавшим в беду, туда же влеталась прошедшая реальность, соединяя мысли и желания. Сюжеты черпалась из прочитанных книг, просмотра телевизионных программ о животных, фильмов, где играют собаки. Вся эта информация, собираясь в единый образ, создавала у Паши ощущение чего-то прекрасного, что должно произойти с ним. Гораздо более яркое, чем первый мяч, коньки или долгожданный велосипед и сильнее во много раз потому, что собака была живой. Она могла отвечать. Могла радоваться и грустить. Быть братом, другом, товарищем.

Дни пролетали быстро. Эрик был умницей. Быстро научился ходить на газету, а затем терпеть до того, как с ним пойдут гулять. Кушал то, что ему давали — аппетит у него был хороший. Единственный недостаток — длиннющие, почти до пола, слюни при виде еды. Пашина мама постоянно гнала его с кухни, дабы соблазнительные запахи не тревожили собачье обоняние, но те просачивались через дверные щели, повисая на собачьей морде предвестниками предстоящего пиршества. Чтобы не бегать за тряпочкой, Паша повязал Эрику на шею слюнявчик, который нашел в шкафу, и периодически вытирал ему брыли.

И вот наступил долгожданный последний день учебы. Была суббота. С вечера мама приготовила Паше школьную форму, надежно закрепив на ней октябрятскую звездочку, погладила рубашку и наредила ботинки. Он с удовольствием одевался перед зеркалом, продевая ноги в отпаренные брюки

с ровными острыми стрелками. Эрик крутился тут же: кусал тапки, хватал пустую штанину и тянул в сторону, словно не желая, чтобы Павел уходил. Периодически Павлу приходилось скакать на одной ноге, упираясь рукой в рядом стоящий шкаф, и покрикивать на своего воспитанника.

Как обычно, уходя из дома, он поцеловал пса в черный мокрый нос, сказав:

— Пока!

С радостью побежал в школу, помахивая практически пустым портфелем. В этот день у них были всего два урока внеклассного чтения, а затем торжественное собрание с вручением аттестатов. На душе у Паши было легко и беззаботно.

Этот год он закончил, как обычно, без троек. И ничто не могло испортить ему хорошего настроения. Будто специально, классный руководитель выбрал для чтения повесть «Белый Бим Черное ухо». В классе они успели прочитать всего несколько глав, а потом учитель сказал, что те, кому книга понравилась, могут взять ее в школьной библиотеке и узнать дальнейшее на каникулах.

Павел решил обязательно прочитать ее, поскольку странным образом эта история приоткрыла ему, казалось бы, простую истину: он никак не мог предположить ранее, что Эрик тоже может думать о Паше, рассуждать об их дружбе и любви. Он тоже может сказать: «Вот мой Паша». И это открытие осветило его душу, поставив щенка вровень с ним самим, превратив его из любимой живой игрушки в настоящего друга, наделив способностью любить и ненавидеть.

Он получал свой табель, думая только о снизошедшем на него озарении. Стоя посреди класса,

чувствовал у себя в руках не листок с оценками, а разрешение на круглосуточное общение с Эриком. Это был пропуск в лето и собачий мир, не терпящий предательства и лжи.

Павел мчался домой, размахивая левой рукой с портфелем, и сжимая в правой сложенный пополам листочек с оценками. Подойдя к подъезду, он неожиданно увидел, что посаженный его родителями под окном куст сирени выкинул навстречу весеннему солнцу лиловые грозди своих цветов. Наклонившись, он стал искать счастливое соцветие из пяти лепестков, чтобы еще больше почувствовать свое счастье. И чем внимательнее он смотрел, тем сильнее окунался в этот любимой матерью душистый сладковатый дурмящий запах. Не успев рассмотреть все соцветья, он отломил небольшую веточку с пушистыми бутонами и, зажав ее в руке вместе с аттестатом, вбежал на лестничную площадку. Позвонив в дверь, он приготовился ждать, продолжая считать листики и обдумывая, как рассказать матери о своем открытии.

Но дверь распахнулась неожиданно быстро. На пороге, с мокрой тряпкой в руке, стояла мама. Один край ее юбки был вздернут и заправлен за пояс фартука так, что правая нога, выставленная вперед, была оголена выше колена. Рядом стояло оцинкованное ведро, из которого вылезала пена, словно отцовская борода, только серая.

Мать устало подняла правую руку с тряпкой и тыльной стороной ладони вытерла лоб. Заметив у сына свой любимый цветок, она улыбнулась.

Павел подумал, что надо бы ее предупредить о том, что Эрик, выбегая на звонок, может опрокинуть ведро, или, скорее, плюхнет в него. Он уже соби-

рался это сделать, но внезапно выползшая из квартиры тишина, поглотившая собой утреннюю, еще хранимую памятью суету, заставила насторожиться.

— А знаешь, — сказала мама, — сегодня вечером придет папа и подарит тебе новый велосипед. И ты даже сможешь взять его в пионерский лагерь!

Она снова улыбнулась. Расправив половую тряпку, расстелила ее на резиновый коврик около порога и, возвращаясь в квартиру, взяла сирень и аттестат у растерявшегося Паши. Ему показалось, что это совсем не те слова, которые должна была сказать мама. При чем здесь велосипед и пионерский лагерь, когда речь должна идти о его друге.

— Вытриай ноги и заходи, — не переставая улыбаться, произнесла мама, и ее выражение лица показалось Паше застывшим. Она отвела глаза в сторону, словно там был кто-то еще, к кому она обращалась. И, посмотрев в направлении ее взгляда, за дверь, Павел подумал, что именно там мог сидеть Эрик. Он осторожно перешагнул через ведро и заглянул туда, но в углу было пусто.

На лице матери он успел заметить необычную настороженность, которая вместе с тишиной в квартире и тем неизвестным, на кого она смотрела, вызывали в душе Паши безотчетный страх. Словно что-то ушло безвозвратно.

Такое же чувство он испытывал, стоя у гроба своего деда летом прошлого года. Совершенно не страшась его бледности и нависших над закрытыми глазами косматых седых бровей, не понимая окружающего плача и причитаний. Было только очень грустно оттого, что дед Миша никогда больше не встанет из этого деревянного короба, не возьмет его на руки, не подбросит вверх к потолку и,

поймав, не прижмет к своей рыжей бороде, пропахшей махоркой. Не посадит на плечо и не понесет в сад, где грустно стояло, понунив голову, огромное чучело медведя.

Дед сажал его на плечи давно безобидному лесному зверю, и Паша тянулся к яблокам, срывая их с деревьев. Тогда казалось, что не будет больше лета, потому что теплое время года, деревня, медведь и дед Миша были единым целым, навсегда сцементированным его детской памятью.

Теперь, после дождливой осени, холодной зимы и возрождающей весны, лето снова могло наступить благодаря новому другу, без которого Павел уже не мыслил своего существования. Отчего же тогда, хотя никто не плачет и не голосит по кому-то ушедшему, Павел почувствовал, что вместе с шумом и суетой ушло нечто дорогое, необходимое ему. То, о чем он через мгновенье узнает и ужаснется.

Ему захотелось снова вернуться за порог к кусту сирени. Начать искать спасительное соцветие и, обломав веточку, придти опять и увидеть свою мать по-новому. Услышать слова, которые она должна была сказать вместо того, чтобы смотреть на пустое место, отведя взгляд в сторону.

Он ухватился за пластиковую черную ручку двери, но, уже собираясь переступить обратно за порог, вдруг ощутил, что не может уйти, не нарушив висящую в квартире тишину, несущую в себе неживое продолжение. Что если он не разбудит что-то родное своим движением, голосом — она останется здесь навсегда.

С недобрым предчувствием Паша направился в прихожую, едва тронув ботинками мокрую тряпку на пороге. Он бросил портфель и, распахнув

дверь в комнату, не желая того, еще глубже окунулся в устрашающую его тишину, забарахтался в ней. Еще на что-то надеясь, подбирая слова, которые он скажет громко и отчетливо, из последних сил толкая от себя недоброе предчувствие, вбежал в гостиную, огляделся по сторонам. Затем в детскую. Оттуда снова в гостиную. Упал на четвереньки, заглядывая под мебель. Закружился волчком, протирая коленями стрелки отутюженных утром брюк. Отбивая поклоны, касался то одним, то другим виском деревянного паркета, упершись ладонями в пол, заглядывая под диван, шкаф, трельяж, письменный стол...

Когда Павел недоуменно поднял голову, не зная, что сказать, потому что все слова, которые он готовился произнести, совершенно ничего теперь не значили и провалились куда-то в бездонную пустоту, образовавшуюся у него внутри, перед ним стояла мама.

Паша подумал, что именно так же, как он сейчас, на него снизу вверх всегда смотрел Эрик. С мольбой и надеждой в глазах. И, глядя на самого дорогого ему человека, Паша почувствовал, что похож на своего пса, ожидая от матери тех слов, от которых, казалось, зависит вся его жизнь.

— Если ты ищешь собаку, — спокойно сказала мама с той же настороженной улыбкой, — то я очень сожалею.

Паша не понял этой непомерно длинной заушной фразы. Почему вдруг мама сожалеет? Это значит, ей жалко себя? Ее кто-то обидел, и она признается в этом Паше? Как-то неестественно сейчас звучит это слово. Особенно после произнесенного «собаку» и такой опустошающей тишины.

Он продолжал, сидя на полу, смотреть вверх, где на белом фоне потолка, отрезанном от полосатых стен цветастым бордюром, продолжало улыбаться немного растерянное лицо большой, ставшей вдруг незнакомой ему, женщины. Ее улыбка была уже совсем не веселая и настороженная, как раньше, когда она говорила про велосипед, а ласковая и соглашающаяся, заранее предупреждающая о том, что Пашу не будут ругать, хотя на это есть причины.

— Понимаешь, — спокойно продолжила она, — я убиралась в квартире, мыла лестничную площадку, а дверь не заперла. Не заметила, как Эрик убежал...

Паша неожиданно подумал, что мама не могла ему сказать такое. Что эта женщина совершенно не знает, о чем говорит. Не дослушав мягкий незнакомый голос, он рванулся к двери, которая еще была приоткрыта. Лево́й ногой, со всего размаху, угодил прямо в ведро. Серая пена разлетелась в стороны, плюхнувшись на пол, повиснув на стенах. Вслед за ней коричневая вода, зачерпнутая ботинком, громко хлюпнув, фейерверком выплеснулась вверх, оставив несколько темных мазков на потолке. Громко звякнув металлической ручкой, ведро накренилось, грозя опрокинуться, и заходило ходуном, глухо ударяясь дном о паркет, расплескивая воду на обои.

Но Паша ничего этого не видел. Не слышал и окрик матери. Он выбежал из подъезда.

— Эрик, Эрик! — кричал он во все стороны, не успевая зрительно фиксировать попадающие в поле зрения предметы. Они расплывались у него в глазах, создавая красочную палитру, в которой не было только одного нужного ему желтого цвета его собаки.

Выбежав на залитый весенним солнцем двор, наполненный птичьим пением, шелестом зеленых листьев, криками детей, он вдруг осознал, что Эрик никогда бы не ушел без него в этот шумный чужой мир улицы, пугающий и непонятный, полный странных и незнакомых запахов. Павел снова ощутил аромат сирени, окутавший его, словно невидимая паутина. Напомнив о матери. Теперь он не казался нежным и приятным, как несколько минут назад, а назойливо, с удивительным упорством, заполнял все поры тела. Противно забирался в нос и рот. В голове зазвучали материнские слова о сожалении, велосипеде и пионерском лагере. И тут же шум расплескиваемой воды. Противной и грязной, словно она действительно ждала неловкую жертву, чтобы поглотить ее в своей пучине. А теперь гадко хлопала в Пашином ботинке. Стук раскачивающегося ведра болезненной пульсацией проникал в сознание. И весь этот конгломерат звуков и запахов, объединенный чем-то общим, начинал раскалывать изнутри Пашину голову ухающими и шипящими звуками, становясь все более отчетливыми и понятными, превращаясь в человеческую речь:

— Ложь, ложь, ложь...

Вечером, действительно, из командировки приехал отец и привез новенький двухколесный велосипед. Прежде чем пройти в комнату, он долго стоял в прихожей, выслушивая мамин шепот, едва слышимый за прикрытой дверью. А затем появился, как всегда, радостный. Только глаза его были немного грустными, и, когда разговор начинал касаться Эрика, он уходил к окну и замолкал, глядел на улицу. Словно надеясь, что тот может появиться из-за угла соседнего дома.

Оплакивая потерю, всю ночь шел дождь. Паша быстро уснул, представляя, как крупные холодные капли воды подталкивают Эрика идти домой, где тепло и сухо. Где продолжают лежать в миске розовые кусочки колбасы с бордовыми подсохшими краями.

Ночью Паше ничего не снилось, и он проспал до одиннадцати. В комнату вошел отец. Он был свежевыбрит и на всю комнату распространял терпкий запах одеколона «Шипр». Павел видел, что тот хотел казаться веселым, но глаза его по-прежнему глядели настороженно и грустно. Паше захотелось сделать для отца что-то хорошее. Отвлечь от переживаний. Показать, что он уже справился с печалью и надо жить дальше.

— Пойдем на площадку, — обратился к нему Павел, — я покажу тебе «солнышко». Мы научились крутить его на физкультуре.

Отец моментально ухватился за эту идею, и они вышли на улицу.

Детей на площадке под окном было много, но турник оказался свободен. Паша попросил отца, чтобы тот слегка приподнял его, и ухватился руками за перекладину. Тут же подтянулся и, зацепившись поочередно локтями, сделал выход силой, оказавшись наверху. Руки служили ему опорой. Быстро перенес вес на левую кисть, приподнял правую и перекинул ногу вперед. Теперь он мог передохнуть, сидя на перекладине правой ляжкой и держась с двух сторон руками.

— Смотри! — крикнул Паша отцу.

Слегка приподнявшись над перекладиной, он вытянул ноги, словно бегун, перескакивающий через препятствие. А затем, качнувшись телом вперед,

полетел вниз, чтобы набрать скорость и вновь за-
скочить на турник.

Это упражнение он знал очень хорошо и постоянно делал его в школе. Но в этот раз что-то пошло не так. После того, как земля закончит свое вращение, он снова должен был увидеть голубое небо. Этого не произошло. В мгновение приблизился желтый песок, его крупинки стали неимоверно большими, и Павел закрыл глаза.

Возможно, перекладина оказалась мокрой от утренней росы, или просто Паша не рассчитал свои силы.

Через мгновение он коснулся земли, подмяв под себя правую кисть. И тут же оказался на руках у отца, который не успел поймать сына во время падения и подхватил его уже распластанным под турником.

Боли не было. Только недоумение, а затем ощущение беспомощности и спокойствия в надежных объятиях. В голове возникли строчки того далекого стихотворения: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...». И, казалось, теперь именно он превратился в беспомощного испуганного щенка, озирающего по сторонам в любящих родных ладонях.

— Папочка, у меня все хорошо! — повторял Павел, чувствуя ноющую боль в правой кисти и прижимая ее к груди другой рукой, — Ты не волнуйся! Все будет хорошо.

Паша не плакал и видел, как из подъезда убежала мать. Устремилась навстречу, ругая на ходу отца за нерасторопность и невнимательность. Гнев ее был страшен. Павлу показалось, что отец не сможет отбиться и удержать его, либо они упадут вместе. Он сжался в комок, закрыв глаза и уткнув лицо в отцовскую шею.

Скорая приехала быстро. В детской больнице Пашу положили на белую металлическую каталку и повезли по длинному коридору, оставив в приемном отделении отца, а затем за дверь выпроводили и мать. Рентген показал перелом обеих костей, и через несколько минут Паша уже лежал в операционной. Женщина в белом халате положила ему на лицо маску, похожую на респиратор, и прижала ее рукой. В нос ударил незнакомый резкий запах, глаза начали слезиться, размывая окружающие предметы и погружая все в темноту. Павел почувствовал себя веретеном, с каждой секундой убыстряющим свое вращение и несущимся в бесконечность ночной вселенной. Тошнота подступила к горлу, не давая вздохнуть.

— Остановите, остановите хоть на минуточку! — умоляя о помощи, кричал Паша в черное пространство, наполненное мелькающими вокруг него звездочками. — Остановите, хоть на секундочку! Дайте мне вздохнуть....

Осознав бесполезность своего сопротивления, покорившись чему-то неминуемому, он почувствовал, что вот именно сейчас оказался в той глухой тишине, скрывающейся в квартире, которая, наконец, настигла его беспомощное сознание — поглотила навсегда.

Это последнее, что запомнил Паша.

Утром он очнулся в палате с белым гипсом на правой руке. В лагерь тоже поехал с ним, и велосипед понадобился ему не скоро.

ГЛАВА 3.**Март**

Щенок неподвижно сидел на сплошных яркосиних цветочных узорах линолеума, и, казалось, усмехался. Его правая брыля, слегка закушенная беленьким клыком, и наклоненная на бок голова с отвисшим вниз бархатистым лепестком уха, делали выражение морды ехидно-шкодливим. Из-под отливающего шелком рыжего замершего изваяния, похожего на детскую игрушку, медленно расплзлась по полу коварная лужа, с упрямым вероломством захватывая окружающее пространство и перекрашивая его в зеленый цвет, образуя полянку с живым газоном.

«Сматывайся, — подумал про себя Павел, сидя на диване и глядя на щенка, — а то она тебе сейчас...»

Но то ли он не успел послать мысленный сигнал, то ли тот не успел дойти.

— Гаденыш! — разнеслось по комнате. — Чертова собака, сколько можно за ней убирать? Засрала все вокруг! Не пройти, не проехать! Никакой гигиены! Скоро рожу, так он ребенку на голову насыт?

Павел видел, как рука жены потянулась за тряпкой, лежащей в углу. Надо было спасать друга.

— Полиночка, я все уберу, — попытался он успокоить ее, но понял, что она его не слышит, как не слышала уже давно. Угрожающая серая половая тряпка свисала вниз как продолжение ее руки. Похожая на сеть с мелкой ячеей, она жаждала кинуться на кого-то и опутать, запеленать, обездвижить жертву.

Март продолжал сидеть, не чувствуя угрозы. Его недавно рожденное сознание с восхищением

воспринимало малейшее изменение окружающего мира. Едва покачиваясь, он заморожено глядел вниз, где увеличивающаяся лужа уже взяла в плен его передние лапы. На крик хозяйки он поднял голову. Его большие синие зрачки с черными точками внутри, готовые с радостью поделиться обнаруженной новостью с хозяйкой, вдруг пожухли. Уши с торчащими по краям нитками, после купирования поддерживаемые полосками белого пластыря, прижались, пытаясь слиться воедино с шеей.

Поникнув головой, он сощурил глаза, пугливо дрожа ресницами, пытаясь глядеть вверх на громадную человеческую фигуру, прижимаясь к полу, надеясь сдержать удар занесенной тряпки.

А затем повернул голову в сторону хозяина, заглянув Паше в глаза. Ничего не прося. Словно хотел в этот момент связаться с ним, переплестись в зрительном контакте, чтобы уже больше ничего не почувствовать: ни хлесткого удара по телу, ни как подкосятся лапы и он плюхнет животом о линолеум, ни как заноеет тело. Он будет стойко, из последних сил, держаться за взгляд своего хозяина. Только бы тот не закрыл глаза. Не моргнул. И тогда он все выдержит. Боль схлынет, угроза минует, и они снова будут вместе.

Но Пашины руки уже оторвали его от пола и прижали к себе, как тогда, в самое первое общение с четвероногим подарком отца, вернувшегося из командировки. В голове вновь вспыхнуло стихотворение «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...» и придало сил противостоять незнамо откуда явившемуся давнему врагу. И, казалось, теперь никакая тряпка не сможет достать щенка за повзрослевшими крепкими согревающими ладонями Павла.

— Ну что ты его постоянно жалеешь? — недоумевала жена, бросая тряпку на оставленную щенком лужу. — Ему уже два месяца, надо как следует треснуть раз, и все сразу поймет. А так будем возиться с ним до самой смерти и убирать его дерьмо!

— До какой смерти? — не понял Павел.

— До нашей, конечно! — удивляясь недогадливости мужа, поучительно произнесла Полина и легонько постучала кулачком по его голове.

Щенок, сидевший на руках Павла, едва слышно зарычал, наивно зажмурившись, не раскрывая пасти, не раздувая едва наметившиеся брыли. Словно внутри его головы что-то зажурчало.

— Это он что.... Рычит? Это он на меня рычит? — возмутилась Полина. — На хозяйку, которая его кормит и поит?

— Поленька, он же маленький еще! — ласково отвечал Павел, — мы ему только ушки купировали. Надо осторожно! Могут совсем не встать. Вон, видишь, пластырь отклеился. Надо поменять!

— Пластыря на него не напасешься, — не успокаивалась Полина, — в аптеке теперь дефицит. Убирай тогда сам за ним. И следи, чтобы не гадил!

— Хорошо! Пластырь я с работы принесу завтра. А сегодня можно я отрежу из твоей аптечки?

Почувствовав, что гроза миновала, щенок зашевелился у Павла на руках. Его шероховатый язык благодарно облизывал нос хозяина, щеки, глаза, как тогда, в детстве, когда, кружась по комнате, он читал заданное на дом стихотворение. Теперь все это было так далеко, словно увиденный когда-то сон, внезапно отразившийся новой явью.

Женился Павел сразу после армии. Да и как иначе? С Полиной он учился в школе, сидел за

одной партией. Она была отличницей, что позволяло ей проверять Пашины диктанты и сочинения по литературе, которых он терпеть не мог. А потом она писала ему весточки на службу. Регулярно, раз в месяц по одному письму и даже проставляла на конверте дату и номер в нижнем левом углу. Беспокоилась о его здоровье. Давала советы. Паше казалось, что она знала все. Учила, как себя побережечь и голодным не остаться. Писала об однокашниках и необходимости после армии по льготе поступить в институт. Помогала Пашиным родителям по хозяйству.

Правда, в школе ему больше нравилась другая девушка — Таня Машкова. Она сидела за партией перед ним.

Паша с удовольствием разглядывал ее блестящий черный затылок, стянутый, словно луковка, капроновой лентой. Веер выплескивающихся изнутри атласных волос. Иногда они были уложены в длинную смолянисто-черную тугую косу, напоминающую крашенный пеньковый канат с пиратских кораблей.

Изредка, но совсем не для того, чтобы сделать девочке больно, он брал косу в руку и, сжав, ощущал, какие они шелковистые и как приятно скрипят в кулаке. Казалось, что Татьяна принимала эти знаки внимания. Улыбаясь, щурила глаза, стреляя взглядом прямо в душу Павла, забирала косу из его рук и, мотнув головой, закидывала ее к себе на грудь. А Павел, учащенно дыша от всплеска любовной тахикардии, с интересом осматривал ладонь — не осталось ли на ней черноты.

Ему нравилось видеть ее курносый профиль, потому что она постоянно смотрела в окно. У нее

было немного бледное, круглое, словно луна, лицо. Раскосые узкие глаза всегда смотрели с прищуром, словно она знала никому не ведомую тайну.

Была Таня странной. На уроках — рассеянной. Больше интересовалась весенним щебетанием птиц, чем ровностью собственного почерка. Писала стихи, которых никто, кроме нее, не читал. Изредка прогуливала занятия, а когда ее спрашивали, где была, говорила, что была в парке и не пошла на занятия потому, что черная кошка перебежала ей дорогу в школу.

Чем сместила весь класс и получала от преподавателя замечание в дневник. При этом сама смеялась редко, в компаниях была незаметной.

Она молча сносила обиды одноклассников, от которых ее частенько защищал Павел. Благодаря этому он и приглянулся Татьяне, что позволило ему несколько раз проводить ее до дому и понести портфель. Но, защищая ее от других мальчишек, он всегда чувствовал неловкость, словно протягивал нищенке руку, стыдясь, что в глазах других людей сможет запачкаться. В оправданье он всегда бубнил, что терпеть не может, когда обижают девочек.

Таня тоже писала Павлу в армию. Правда, немного, поскольку сначала спутала номер войсковой части, а потом, по забывчивости, продолжала писать ему на север, когда его уже перевели в калмыкские степи. Кто там читал ее письма?

Писала она о дождливой погоде, о мокром снеге и тусклом солнышке. Как-то грустно и, в тоже время, по-новому. Необычно. Совершенно не так, как говорили об этом преподаватели в школе или его друзья. Была в ее рассказах светлая, трогающая

за душу печаль. Словно возникающее из ниоткуда озарение дарило ей нечто возвышенное, чего никто кроме нее не замечал, все остальные проходили мимо.

В письмах она писала, что Нева со своими притоками похожа на артерию Ленинграда, которая несет в себе свежесть Ладожского озера и, пройдя через весь город, очищает его от грязи и нечистот, пытаясь вынести их в Финский залив. Заглянув в реку, можно увидеть, какая кровь течет к сердцу города, а какая от него. Узнать, чем живет город, что хранит. А если наклониться и немного свеситься через ограждение набережной, то по движению водной глади и редким всплескам можно ощутить пульс самого города...

В каждом предмете, о котором сообщала Таня, жила своя маленькая жизнь. Она писала лирично, иногда даже стихами. Но Паше в армии было не до сонетов. Грусти и своей хватало. Поэтому письма эти он не очень-то ждал. Отвечал скупое, словно не хотел расслабляться, терять даже на время приобретаемую армейскую выдержку и дисциплинированность. Озвучивал письма товарищам и вместе с ними иногда гоготал над их содержанием, крутя пальцем у виска.

Из армии родители его встречали уже вместе с Полиной, до того она им полюбилась своей заботой и вниманием. Павлу только оставалось кивнуть головой, поскольку решение о женитьбе давно созрело в семейном кругу.

Правда, за прошедшие два года Полина сильно раздобрела, лицо ее округлилось. Словно подошедшая опара была готова для брачной выпечки. Истоковавшись по женской ласке, Павел не артачился.

Взял, что дают. Свадьба была не пышная — десяток друзей с родственниками да пара соседей.

Маленькая двухкомнатная хрущевка родителей Паши была первым семейным пристанищем молодой семьи. Родители отдали им большую комнату с балконом, а сами перебрались в маленькую одиннадцатиметровую.

Устроился Павел на завод слесарем — пришлось вспомнить навыки, приобретенные в школе на уроках труда. Осенью поступил на вечернее отделение в институт. В шесть утра он спешил в цех, оттуда на лекции. Домой возвращался к полуночи.

Родители-пенсионеры с Полиной жили дружно. Мечтали о внуках. Но с этим дела обстояли неважно, хотя Павел старался изо всех сил. Полина первое время ходила по врачам, а потом перестала.

Она закончила педагогический и работала воспитателем в детском саду. Но детские проказы быстро утомляли ее, делали раздражительной, а сменный график работы расстраивал организм, заставляя все чаще прикладываться к подушке в разное время суток.

Вскоре подружка помогла ей устроиться на работу в Управление Статистики, и теперь она чаще бывала дома, заполняя бланки за мертвые души и расписываясь под ними. Иногда она просила расписаться кого-либо из домочадцев. Ставя подпись, отец Павла недовольно бубнил о том, что мы сами же обманываем руководителей страны, а потом удивляемся, почему они не знают, как плохо живет простому рабочему люду.

— Ну, кто же ей расскажет, сколько денег получает и как их расходует? — удивлялся Павел наи-

вности отца, — Да никто даже дверь тебе не откроет, если ты такие вопросы задаешь!

Переживая за Полину, посещающую в темное время суток чужие подъезды, он сопровождал ее, прогуливая лекции в институте и, в конце концов, был отчислен.

Он любил смотреть программы о животных, особенно те, где рассказывали о собаках. В такие моменты глаза его становились влажными, словно ощущали шероховатый язык Эрика, который однажды разбудил Павла и открыл перед ним совершенно новый мир собачьей любви.

Павел видел, как тяжело переживает жена бездетность. У нее оказалась четвертая группа крови и резус совсем не тот, что нужен. Врачи сказали, что из-за этого вряд ли что-то получится. Полина стала много курить. Несмотря на это, проем балконной двери, где она любила стоять, пуская дым изо рта, заслонялся ее телом все больше. Все чаще ее можно было застать ночью на кухне, поедающей что-нибудь мясное из холодильника.

Однажды, на восьмое марта, возвращаясь с работы и думая о подарке, Паша зашел на рынок к своему приятелю. Там среди котов, петухов и крыс, в картонной коробке, он увидел его. Последнего оставшегося из помета и поэтому продаваемого со скидкой щенка боксера.

Что-то шевельнулось внутри Павла. Словно старая незаживающая рана, саднившая где-то в глубине души, вновь открылась. Как неоплаченный долг другу, которого он не сберег. Не смог спасти, защитить, закрыть собой. И многолетние попытки оправдать себя, которые он предпринимал

еще с детского возраста, не позволяли пропасть этому чувству стыда.

И вот сейчас, глядя на дно большой коробки, где из оторванного черного рукава засаленной фуфайки выглядывала приплюснутая черная маска с намечающимися брылями, придающими щенячьей морде вид наивной надменности, он неожиданно понял, что это еще один шанс. Попытаться вернуть то бесконечное доверие и преданность, которые он когда-то впервые ощутил, неосознанно наслаждался ими, а затем предал. Пусть под воздействием родителей. Он не чувствовал в этом оправдания — даже наоборот. Словно это был всеобщий тайный сговор против беззащитного в своей вере существа, отдавшего себя им без остатка. Подарившего свою бесконечную нежность и доброту, которые можно было передать дальше своим друзьям и близким. А вместо этого растоптали жестоко и бессердечно.

Ему вдруг почудилось, что тот, свалившийся на него в детстве, грех, не дает теперь счастьем проникнуть в их с Полиной жизнь. Не позволяет распусться их душам и расцвести в полной мере, переплестись в любовной страсти. Испытать то святое единение, присущее семьям.

Руки сами выхватили скулящее создание из коробки. Подняли его вверх. Так высоко, что он заслонил весеннее мартовское солнышко, словно возник из светового пучка рассвета, проникающего сквозь окно далекого детства! Павел ощутил пальцами его тонюсенькую, словно пергамент, кожу на животе. Услышал благодарное, доверчивое тявканье. Почувствовал, как рубцуются его собственная давняя рана, покрываясь легкой корочкой. Угасает скрытая боль, возрождая надежду на прощение.

Праздник удался. Полина была в восторге. Она носилась со щенком по квартире, не зная, где определить ему место. Свернула свое старое вишневое одеяло и положила его у балконной двери. Но затем решила, что ему там будет дуть и, схватив щенка в охапку, устроила его у изголовья кровати, рядом со шкафом. После чего успокоилась. Некоторое разочарование привнесла первая лужа, сделанная щенком на ковре. Но после этого ковер сняли, оголив ядовито-синий цветастый линолеум.

Стол уже был накрыт. Родители приготовились к празднику. Первый тост прозвучал за женщин. Все остальные — за нового жильца этой квартиры. К концу праздника вспомнили, что у нового постояльца нет имени, и стали перечислять популярные клички животных.

— Пусть будет Джульбарс! — гордо сказал отец.

— Лучше Шарик! — предложила жена, — просто и понятно.

Щенок сидел на полу и недоуменно переводил взгляд с одного говорившего на другого, словно недоумевая, зачем его кем-то хотят назвать, разве он плох сам по себе, такой, как есть?

Своей поднятой вверх курносой мордочкой, старающейся уловить ставшие родными запахи, нежным любящим взглядом он походил на тянущийся к солнцу росток, готовый распусться из почки, едва почувствовав желанное тепло. В предвкушении ожидаемой, необходимой ему ласки таилось что-то сокровенное, чего он не осознавал сам и чем не мог пока поделиться.

— Давайте назовем его Март! — воскликнул Павел. — Он принес в нашу семью долгожданную весну! Смотрите, как давно мы так не радовались!

— Март, март, — радостно захлопала в ладоши мать, а затем и отец улыбнулся странному имени и повторил: — Март!

Жена перестала улыбаться и недоуменно посмотрела на мужа:

— Почему Март? А чего не декабрь или январь? Надо прикинуть, когда он родился, — но, увидев счастливое лицо Павла и его улыбающихся родителей, согласилась. — Март, так Март.

Словно соглашаясь со своим странным именем, щенок тут же грамотно, по назначению, использовал пару лежащих на полу газет.

Через две недели Полина забеременела. Она бросила курить. Села на прописанную врачом диету и даже немного похудела.

Радости ее не было предела. Но выражалась она как-то по-особенному. Позже выяснилось — это обычное дело. Ведь Павел еще с этим не сталкивался. У Полины обострилось все, что можно. Она чувствовала все запахи и постоянно проветривала квартиру. Стоило родителям начать разогревать еду — Полина тут как тут. Она открывала на кухне окно, закрывала дверь в комнату и родители кушали под уличный шум автомобилей и детский гам. Она слышала все разговоры, ведущиеся не только в квартире, но и на лестничной площадке. Ей казалось, что все они касаются ее. Что именно про нее все судачат, говорят что-то не хорошее. Избежать скандала можно было только всеобщим молчанием. Но и в этом Полина видела тайный сговор.

Поначалу Павлу это нравилось, поскольку его разговор с Мартом никак не мог задеть самолюбие Полины. Но со временем и в этих разговорах Полина начинала улавливать скрытый смысл. Даже

когда Павел однажды стал передразнивать Марта негромким твяканьем, Полина ворвалась в комнату и так уничтожающе строго посмотрела на заговорщиков, что они послушно закивали головами и замолчали совсем.

Идти на улицу было бесполезно, поскольку Полине казалось, что она может читать по губам на большом расстоянии, о чем заранее предупреждала родственников. Вся квартира вместе с ее обитателями в страхе дрожала от недовольства Полины. Все боялись ее гнева, никто не смел ей перечить, поскольку она носила в себе надежду на возвращение всеобщей радости.

Первыми не выдержали родители Павла — переехали на дачу в Вырицу. От города недалеко, можно на работу ездить электричкой. Отец немного утеплил дом, уплотнил двери с окнами, запаса к холодам дровами. Шутя, сказали, что не хотят мешать молодым наслаждаться ожиданием рождения потомства, и приготовились там зимовать.

Паше и Марту деваться было некуда, и они мужественно несли свой крест все оставшиеся месяцы, пытаясь наладить отношения.

Март повзрослел. Он все понимал, и в квартире его не было слышно и видно. Приходя с прогулки, он ложился на свое старенькое одеяльце за диваном и лежал там до самого утра — когда они с Павлом шли на утренний променад.

Павлу теперь приходилось подниматься в пять. Самостоятельно готовить себе завтрак. Если честно, кушать он не хотел, но надо было что-то вынести из дома для пса, поскольку ел тот теперь один раз, и только вечером. Павел делал бутерброды с колбасой и сыром. Сам выпивал чай, а остальное заворачивал

**Конец ознакомительного фрагмента.
Полную версию книги можно купить
на сайте издательства
www.skifiabook.ru**

Гера Фотич

Собачья сага

Дизайн обложки	<i>Ю. Зверлин</i>
Оригинал-макет	<i>П. Домбровский</i>
Выпускающий редактор	<i>А. Теркель</i>
Главный редактор издательства	<i>И. Знаешев</i>

Издательско-Торговый Дом «Скифия»
Книги: от рукописи до тиража
Изготовление и распространение.
190000, Санкт-Петербург, ул. Гороховая, 25
(812) 571-68-54
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.piterbooks.ru

Подписано в печать 30.12.11
Формат 84x108¹/₁₆. Объем 32 усл. печ. л.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2